

ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Л.А. ПОРОСЯТКОВСКАЯ

О ТРУДНОСТЯХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО СОСТАВА АРХИВНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Некотрые генеалогические исследования, связанные с поисками предков, заслуживают отдельного описания, потому что относятся к разряду задач с трудно решаемыми условиями. Об одном из них и пойдет речь. Сложности, связанные с отсутствием или плохой сохранностью документальных источников, с ограничениями доступа к ним и с вытекающими из этого последствиями, а именно с отсутствием прямых доказательств родства между персонами искомого рода, можно продемонстрировать на примере генеалогического исследования рода крестьян Воронцовых, основателей деревни Полдневка Ветлужского уезда Костромской губернии.

Несколько слов о том, как распределяются источники (а нас интересует определенная их категория) по административному и церковному учету представителей податных сословий в хранилищах государственных архивов. Территории бывших губерний неоднократно подвергались административно-территориальным изменениям, и в результате сложилась простая для понимания как исследователей, так и потребителей архивной информации система: архивы хранятся по территориальной принадлежности их фондообразователей. Например, большая часть Ветлужского уезда, в т.ч. с Широково, где находилась церковь, прихожанами которой были Воронцовы, в 1922 г. вошла в состав Нижегородской губернии. Все архивно-документальные источники, имеющие отношение к этой территории,

были собраны в хранилищах Государственного архива Горьковской (Нижегородской) области. Однако исключение составили некоторые фонды губернских учреждений, благодаря чему в нашем распоряжении остались ограниченные по количеству, но емкие по информативности источники. Это исповедные росписи Николаевской церкви с. Широкове¹ за один год - 1907 в фонде Костромской духовной консистории и документы 7-10-й ревизий на казенных крестьян Широковской волости Ветлужского уезда² в фонде Костромской казенной палаты. Хронологический разрыв между источниками составил ровно полвека: для любого исследования, особенно генеалогического, срок очень большой.

Тихон Ипполитович Воронцов, самый ранний из известных представителей рода, - точка отсчета в поисках. В исповедных росписях Николаевской церкви с. Широково в части «Военные, состоящие на действительной службе, отставные и их семейные» он упоминается отставным рядовым среди исповавшихся и причастившихся жителей д. Полдневка (Софьино) Широковской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, главой семьи в возрасте 66 лет, т.е. 1841 года рождения.

Кроме членов семьи Тихона Ипполитова, его детей и внуков, в исповеди под тем же номером дома или двора № 15, под фамилией Воронцов записана персона по имени Федор Филиппов, 22 лет. Очевидно, Федор состоял с главой семьи в достаточно близком родстве, если доверять названию графы исповеди: «Военные и их семейные». В теории факт его существования может быть доказательством родства с другими персонами рода.

Необходимо обратить внимание на то, что большая часть жителей д. Полдневка, учтенных в исповедных росписях 1907 г., записаны с фамилией Воронцовы. Самые «старые» из них по возрасту рождены до отмены ревизий, т.е. до 1858 г.: это наш Тихон Ипполитов, как мы уже вычислили 1841 года рождения, Стефан Климентов - 1855 г.р. и Евдокия Климентова - 1849 г.р. Ревизская сказка на казенных крестьян д. Полдневка Ветлужского уезда 1858 г. должна содержать сведения об этих персонах.

Ревизские сказки - документальный результат подушной переписи населения - были введены в 1713 г. «для распределения содержания войска по числу ревизских душ», впоследствии

стали повсеместно регулировать и учитывать платежи подушных податей. Всего было проведено 10 ревизий, и последние из них приходились: № 9 - на 1850 г., № 10 - на 1858 г.

В ревизской сказке 1858 г. Полдневка Широковской волости Ветлужского уезда значится не деревней, а починком, и все казенные души, первые ее жители, составляли одну семью, известную впоследствии под фамилией Воронцовы. Из них с исповедной росписью 1907 г. по именам и по возрасту совпали персоны: Стефан Климентов и Евдокия Климентова. Филипп Климентов, вероятный отец Федора Филипова, присутствовал только в ревизской сказке.

Ни Тихона, которому на момент ревизии должно быть 16-17 лет, ни его отца Ипполита среди них не оказалось. Отсутствие Тихона и Ипполита в ревизии 1858 г. могло иметь много разных объяснений, но для выбора единственно правильного необходимо исследовать более ранние источники.

В поле графы «из того числа выбыло» предыдущей ревизской сказки по Полдневке 1850 г. есть запись, имеющая отношение ко всей семье: «Переведены из д. Полома по предписанию г. управляющего палатой от 25 мая за №187». Во главе семьи, как и в ревизии 1858 г., записан Мартьян Авакумов 68 лет и его сыновья: Максим 40 лет, близнецы Александр и Климент по 35 лет. Появляется запись о последнем, младшем сыне Мартьяна Авакумова Иване, который в ревизии 1858 г. по какой-то причине не учтен. Его возраст в графе предыдущей ревизии, 1834 г., обозначен 16 лет (1818 года рождения), а в графе «из того числа выбыло» - запись, объясняющая его отсутствие в более поздних документах: «отдан в рекруты в 1838 г.».

Рекрутской повинности подлежали в государстве все те сословия, которые платили в казну подушную подать, а именно: мещане, казенные, удельные, помещичьи крестьяне, дворовые люди, свободные хлебопашцы и др. В рекруты забирали людей не моложе 20 лет и не старше 35, ростом не менее 2 аршин 3 вершков, здоровых и не страдающих явными недостатками. По уставу 1831 г.³, по которому забрали Ивана Мартьянова, срок рекрутской службы равнялся 20 годам. Сельское общество должно было внести в казну деньги на его прием в рекруты: на обмундирование (на одежду и обувь), на провиант, на

жалованье. Рекрутское присутствие выдавало виды (название документа) женам рекрутов.

Как известно, отданные в рекруты казенные крестьяне, их жены и рожденные во время службы дети, так называемые кантонисты, переставали учитываться как казенные податные души, потому что подушная подать с них снималась, и переводились из ведения Министерства государственных имуществ в ведение Военного ведомства. Именно по этой причине упоминаний об Иване и о возможно родившихся в рекрутстве его детях в ревизской сказке 1858 г. быть не могло. По законам солдат полевых и имеющих постоянное местопребывание войск размещали на квартирах обывателей. Солдаты имели возможность иметь рядом с собой свою семью - жену и детей. В разные времена содержание солдатских жен и детей оплачивалось то военным ведомством, то казенным ведомством: «Начальство должно удовлетворять требование мужей по доставке жен по мере возможности и удобства размещения их, отпуск же денег на продовольствие и прогоны следует быть от казенных палат»⁴.

Обратившись к еще более ранним ревизским сказкам уже деревни Полома, из которой Воронцовы переселились в Пол-дневку, а именно 1834 и 1816 гг. узнаем, что у Мартьяна Ава-кумова из шестерых детей - две дочери и четверо сыновей, известных нам как Максим, Александр, Климент и Иван. Т.е. сын с именем Ипполит у Мартьяна Авакумова во всех ревизских сказках так и не появился. И у нас нет прямых доказательств, что Тихон Ипполитов Воронцов (с него начиналось наше исследование) является внуком Мартьяна Авакумова и членом семьи, которую мы исследовали как основательницу починка Полдневка.

В ревизских сказках 1850 и 1858 гг. Тихон Ипполитов не вписан, хотя к моменту ревизий ему было 9 и 17 лет соответственно. Причина, по которой запись о нем отсутствовала, могла быть та же, что и у Ипполита: Тихон не учитывался как ревизская душа, платящая подушную подать. Тихон Ипполитов Воронцов записан в той части исповедной росписи, в которую вносили военных, отставных, а значит, во времена 9-й и 10-й ревизий вполне мог быть кантонистом и учитываться по военному ведомству. Чаще всего солдатским детям было угото-

вано воспитание в гарнизонных школах, позже в военно-сиротских отделениях и кантонистских школах, а после них - военная служба, срок которой зависел от действующего на момент взятия на службу Военного устава.

Отсутствие Тихона Ипполитова в ранних документах 1850 и 1858 гг. как кантониста совпадает с рекрутством Ивана Мартьянова. И нетрудно сделать вывод, что Иван Мартьянов идеально подошел бы на роль отца Тихона Ипполитова, если имя первого совпало бы с отчеством второго.

Попытаемся ответить на вопрос, мог ли ИВАН стать ИППОЛИТОМ?

Всем известно о существовании различных вариантов одного и того же имени: например, Георгий - Егорий - Егор -Игорь - Юрий, или Евдокия - Авдотья, или Агриппина - Аг-рафена и т.д. Не вдаваясь в особые исследования, можно сказать об идентичном звуковом ряде во всех трех примерах. Известны несколько иные примеры перемены имен: члены семьи знали свою любимую бабулю как Марфу, а обратившись с запросом в архивы об уточнении даты ее рождения, узнали, что при крещении ей было дано имя Мария. И, наконец, третий вариант - яркий пример двух, казалось бы, совершенно разных имен у одной и той же персоны: одна из прабабок Розанова Василия Васильевича, по мужу Жадовская, упоминается в разных документальных источниках то как Прасковья, то как Матрена с отчеством Андреевна.

Что же общего было между приведенными выше похожими и совершенно разными именами?

Основным документом при выборе имени в период до 1917 г. были святцы. Все многочисленные варианты одного и того же имени объединялись образом святого, имя которого давалось младенцу. В один и тот же день православная церковь праздновала именины разных святых: например, Мария и Марфа имели два общих календарных дня: 6 февраля поминали сестер Марию и Марфу, дев Азийских, а 9 июня - Марию и Марфу, мучениц Персидских.

Именины Матрены и Параскевы совпадали в день 20 марта (мученица Матрона Амисийская - Понтийская и мученица Параскева Римская).

30 января, в общий день святых Иоанна и Ипатия, православная церковь отмечала патриарха и Вселенского учителя Иоанна Златоуста Константинопольского и священномученика Ипполита Остинского, Римского епископа.

Согласитесь, случай экзотический. Рожденного около 30 января Ивана-Ипполита, в семье, вероятно, и звали то Иваном, то Ипполитом. На вопрос, в какой момент своей жизни Иван Мартьянов был записан в документах Ипполитом, ответить трудно, но предположить можно. Скорее всего, это произошло в период военной службы, когда все бывшие казенные души приобретали новый статус, получали «прочные» фамилии, обычно распространявшиеся не только на прямых потомков, но и на большинство представителей рода.

Непростую генеалогическую «задачку» удалось решить: 1) исследуя косвенные признаки родственных связей, 2) привлекая в качестве источников законы Российской Империи, Православный календарь имен святых, 3) извлекая информацию из формуляров архивно-документальных источников.

Примечания

- ¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 130. Оп. б/ш. Д. 555.
- ² ГАКО. Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 20; Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 18; Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 204; Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 670.
- ³ ПСЗ, II, 1831, т. 6, № 4677. С. 502.
- ⁴ ПСЗ, I, Т. XXXVII, № 28714. С. 793-795. 2 августа 1821 г. О высылке солдатских жен к мужьям их.

* я *